

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ, РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

А.Ю. Голобородько

Выступая в апреле 2015-го года на просветительском форуме в Санкт-Петербурге, доктор политических наук профессор, заведующий кафедрой государственной политики МГУ, президент ОАО «РЖД» В.И. Якунин, рассматривая «пост-капитализм» как новый миропорядок, одним из самых неоднозначных и многомерных воплощений которого является феномен глобализации, аккумулируемый формулой «деньги-деньги-деньги», артикулирует мысль о том, что современная глобализация имеет минимум три измерения: научно-техническое, политическое и идеологическое, основное внимание уделяя именно третьему, идеологическому аспекту; при этом В.И. Якунин подчеркивает, что в современных условиях глобализационного миропорядка тревожным видится тренд на размывание национальных институтов управления, которые замещаются международными организационными образованиями¹.

Почему опасен этот тренд? Вне всякого сомнения, провозглашаемый и активно позиционируемый сегодня в различных каналах коммуникации ориентир на межкультурное сближение, развитие диалога культур, ценностное взаимообогащение видится весьма перспективным... Но жизнеспособен ли он на современном этапе функционирования мирового сообщества, доминирующими стратегиями развития которого, очевидно, выступают экономикоцентризм, превалирование финансовых/материальных интересов.

В нынешних условиях развития мирового сообщества мы становимся свиде-

телями того, что процесс глобализации происходит в условиях явно нарушенного динамического баланса между технологическим и нравственным потенциалом человеческой деятельности. Как вынужден признать известный французский экономист-либерал Жак Аттали, «эра господства экономики породила тотально однородный мир, «эру денег» как всеобщего эквивалента, не знающего различий высшего и низшего, морального и аморального². Мировое сообщество давно уже находится в состоянии системного кризиса, которое характеризуется набором и чередой кризисных ситуаций: экологической, демографической, антропологической, ресурсно-потребительской, ценностной и др. Мифологизация всемогущего рынка, всевластие рыночного механизма – одна из главных причин деформации цивилизационного пространства и сосуществования, с заметным креном в «зоосферу» вместо «ноосферы»³.

Политика в современном «глобализационном обличье» явно эгоистична и слишком часто, причем безнаказанно, пренебрегает простыми нормами нравственности и справедливости. Её можно назвать «царством прав без обязанностей», когда господствует право сильного, экономический шантаж

² Россия должна быть нашим союзником. L'Express [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yug.svpressa.ru/politic/article/112633/> (Дата обращения 22.06.2015 г.).

³ Толстых В.И. Диалог культур в современную эпоху// Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева «Диалог культур в условиях глобализации»// Под общ. Ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Отв.ред. Гезалов А.А., Мамед-заде И.Р. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 34.

¹ Электронный ресурс [www.cnsr.ru]. Дата обращения 22.06.2015 г.

и политический диктата⁴. Поэтому мы наблюдаем ситуацию, когда политика все чаще «бежит» от морали, и понятно почему: ведь именно мораль призвана обеспечить стеснение «свободу маневров», мораль вся соткана из ограничений и запретов, которые как раз и оберегают человечество от вырождения, а политику и её акторов – от цинизма и бесчеловечности.

В этих условиях в научно-исследовательском сообществе укрепляется точка зрения, в соответствии с которой именно культура становится ключевым фактором развития государств, городов и территорий, поскольку обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом экономических предпосылок.

По мнению болгарского ученого А. Панчева, современному обществу очень нужен созидательный и скрепляющий фактор в виде культуры, поддерживать и развивать который можно только посредством политической организации в виде государства⁵. Сходную мысль находим у профессора С.Г. Кара-Мурза, отмечающего, что современная наука рассматривает общество как сложную систему, которую надо конструировать и создавать, непрерывно воспроизводить и обновлять. Общество находится в процессе непрерывного развития, и функция государства – сохранить общество (обеспечить его воспроизводство), а если в ходе какой-то катастрофы оно утратило системную целостность, как можно быстрее его снова «собрать» на обновленной и прочной матрице⁶.

На сегодняшнем (часто называемом «бифуркационным»), этапе развития мирового сообщества все более активно и обоснованно «звучат голоса» как отечественных,

так и зарубежных исследователей, постулирующих мысль о необходимости поиска адекватного инструментария оптимизации возможностей «сбалансировать экономическое и социально-культурное измерение бытия человека»⁷; иными словами, речь идет о целесообразности поиска ресурсов, выходящих за рамки только экономических (количественных) показателей развития, – ресурсов качественного, культурного порядка.

Человек XXI века оказался погруженным в бездну хаоса, неоднозначности, неопределенности пути и перспектив будущего развития, в ситуацию жизни «одним днем»; в социальном времени образуются провалы – «стирается» коллективная память, изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми... жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений – человеческие сообщества становятся короткоживущими, а социальная структура – размытой⁸. Очевидными подтверждениями обозначенных тенденций в условиях развития российского общества последних трех десятилетий, можно, наш взгляд, назвать феномены культурной травмы, контркультуры, культурной десоверенизации⁹.

На авансцену политики, экономики, социального развития в современных условиях выходит проблема человеческого сознания как уникального феномена, динамика, гибкость и продуктивность развития которого способны обеспечить человеку «адаптационный фон» в условиях информационной революции и развития глобализационных процессов. По мнению М. Кастельса, новые

⁴ Там же.

⁵ Панчев А. Культура и нация // Материалы Бакинскому форуму, посвященного памяти Гейдара Алиева «Диалог культур в условиях глобализации» // Под общ. Ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Отв.ред.Гезалов А.А., Мамедзаде И.Р. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 301.

⁶ Кара-Мурза С. Дезинтеграция и консолидация общества, 28 мая 2015. Сайт Центра исследования кризисного общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://centero.ru/chair/dezintegratsiya-i-konsolidatsiya-obshchestva> (Дата обращения 22.06.2015 г.).

⁷ Дискин И.Е. Прорыв. Как нам модернизировать Россию. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.319.

⁸ См., например: Якунин В.И. Постиндустриализм. Опыт критического анализа/ В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, С.Г. Кара-Мурза, М.В. Деева, Ю.А. Сафонова. М.: Научный эксперт, 2012. С. 27–28.

⁹ См., например: Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России. 06.05.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/> (Дата обращения 25.05.2015 г.).

информационные технологии в эпоху глобализации являются не просто инструментом для применения, но также процессом для развития, в силу чего в какой-то мере исчезает различие между пользователем и создателем, пользователи могут держать под контролем технологию (как в случае с Интернетом); отсюда следует новое соотношение между социальными процессами создания и обработки символов (культура общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительные силы). Впервые в истории человеческая мысль прямо является производственной силой, а не просто определенным элементом производственной системы¹⁰.

В онтологическом (бытийном) плане сознание – есть совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах, которые «пронизаны» смыслом: сознание в актах понимания стремится обнаружить смыслы текстов; понимание, по сути, является процессом смыслообразования. В силу этого сознание можно описать как «множественный самоинтерпретирующийся текст, как понимающее себя эго-сознание, сознание есть мультипликативный самоинтерпретирующийся текст»¹¹. Человек не просто отражает мир, строя модель мира, но, отражая его, вместе с тем, понимает мир сквозь призму своей модели. Понятия «смысл» и «понимание» предполагают друг друга; моделирование действительного мира человеком возможно благодаря пониманию сознанием собственного текста.

В корреляции с актуальной проблематикой «восхождения на Олимп» информационной эпохи в развитии человечества и обусловленной ею необходимости поиска адекватных инструментов осмысления человеком окружающего его мира виртуальных образов и символов, выскажем предположение, что развитие человечества связано сегодня с совершенствованием форм пони-

мания, что, в свою очередь, предполагает формирование многовариантных стратегий понимания и децентрацию (в терминологии Ж. Дерриды и других исследователей постмодернизма) сознания; актуальная задача – поиск формулы, которая позволит решить проблему понимания мира, в котором мы живем.

Понимание – синоним человеческого присутствия в мире, ведь всякий акт понимания – это акт восстановления мира из хаоса цвета, звука, беспредметной разобщенности, это акт восстановления пространственно-временного порядка, это оформление мира в картину мира¹².

Человек всегда жил в трех измерениях – в мире реальном, мире информационном, мире символическом. И именно в современном мире информационные технологии и средства коммуникации оказывают столь мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события по большому счету только тогда становятся значимыми, когда они представлены в СМИ, то есть становятся функцией виртуальности.

«Реальность доминирования виртуальности» в глобальном информационном пространстве позволяет адресатам, работая с сознанием человека, обеспечивать среду для формирования нужных образов и символов. На это, как известно, и опирается «мягкая сила», призванная обеспечить «обработку» сознания человека, а точнее, масс посредством информации, знаний и культуры¹³. Эта «мягкая сила», проявляющаяся как особый тип влияния, особый вид власти, непосредственно связанный с информационной революцией, с возрастающим объемом информации, а также со скоростью и широтой её распространения благодаря новейшим коммуникативным технологиям выступает одним из эффективных инструментов коди-

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Предисловие научного редактора русского издания. М.: Библиотека Гумер-Политология, 2014.

¹¹ Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М». 2000. С.234–235.

¹² Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М». 2000. С.293.

¹³ Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы»/Е.Пономарева// «Однако». 26.02.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071> (Дата обращения: 25.05.2015 г.).

рования сознания человека... и зачастую, к сожалению, его (сознания) перекодирования посредством разрушения национального культурно-исторического ядра и переустройства социальной памяти.

Устойчивость общественного развития, особенно в периоды перемен, достигали лишь при включении в его стратегии факторов культуры. По мнению Т. Богатыревой, значение культурной политики в устойчивом развитии российского общества в условиях глобализационных перемен заключается, в частности, а) в формировании общественной идентификации и придании российскому сознанию подлинно общенационального характера; б) в поддержании культурно-интеллектуального воспроизводства нации; в) выработке ценностных оснований взаимодействия сообществ, обучающихся жизни в новых глобальных условиях; г) выработке социокультурных перспектив общественного развития, содержательного видения будущего; д) включении стратегий культуры в решение актуальных проблем российского общества, программу модернизации, повышение качества жизни¹⁴.

Широко известно, что культура существенным образом влияет на состояние национальной безопасности. Ведь именно культурные универсалии являются устойчивыми детерминантами общественного сознания. Система ценностно-смысловых оснований и нравственных норм определяет поведение отдельных индивидов и групп населения в современном обществе¹⁵.

Признавая значимость культурного измерения в конструировании общества посредством технологий государственной политики, нами разработан когнитивно-методологический конструкт, описывающий возможности аккумуляции мощного защитно-охранительного потенциала культуры России в практике обществен-

ного строительства и укрепления жизнеспособности государства. Конструкт разработан в русле политологической инноватики нового поколения как составной части социально-гуманитарной инноватики, призванной быть по своей природе инструментом «погружения» в суть вещей, а не догматизатором и интерпретатором внедренных теорий.

«Фоном» для разработки конструкта выступают Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.¹⁶ и подписанный в декабре 2014 г. Указ Президента РФ об «Основах государственной культурной политики»¹⁷; в ходе нашего исследования, в контексте «Стратегии...» и «Основ...», выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как фундамента государственности, фактора национальной безопасности, ресурса социально-культурного развития, предпосылки экономического роста.

В состав разрабатываемого нами инструментария государственной культурной политики как фактора обеспечения национальной безопасности современной России входит, в частности, описание технологий, предусматривающих, с учетом очевидной тенденции изменения, в рамках информационного общества, природы политической власти (она (власть) сегодня переместилась в виртуальное пространство – в мир образов, имиджей и символов), «работу с умами людей», с человеческим сознанием, понимаемым нами как «совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах, которые «пронизаны» смыслом»¹⁸.

¹⁴ Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России/Т. Богатырева// Государственная служба. 2002, № 5(19) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rags.ru>

¹⁵ Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.astanaforum.kz/2010>

¹⁶ Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы»/Е. Пономарева// «Однако». 26.02.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071> (Дата обращения: 25.05.2015 г.).

¹⁷ Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России/Т. Богатырева// Государственная служба. 2002, № 5(19) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rags.ru/>

¹⁸ Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М». 2000.

В корреляции с мнением одного из идеологов информационной революции М. Маклюэна, отмечавшего, «... чтобы быть эффективным в современном мире информации, необходимо активизировать в сознании людей систему национальных культурных приоритетов и адаптировать культурные традиции к новым средствам коммуникаций»¹⁹, нами рассматриваются механизмы культурного просветительства, содержательное наполнение которых обеспечивается концептуализацией ценностей как фактором культурной безопасности и условием культурного строительства; ведь именно культура, способствуя ценностному пониманию, осмыслению и осознанию бытия в его единстве и взаимозависимости, существенным образом влияет на состояние национальной безопасности²⁰.

В развитие позиции В.В. Сергеева концепт «культурная безопасность» как важнейший компонент в системе национальной безопасности (и одновременно фактор её – национальной безопасности – укрепления) рассматриваем в следующих измерениях: культурно-духовное состояние общества и духовная культура его членов; управленческое воздействие и государственная культурная политика (а также политика, направленная на обеспечение безопасности и минимизацию рисков, угроз и вызовов в сфере культуры); модернизация элементов социума, развитие институтов и социальных систем в направлении утверждения высокого качества жизни²¹.

Культурное просветительство как фактор обеспечения культурной безопасности в системе механизмов государственной культурной политики в рамках нашего конструкта репрезентирует инструментарий взаимодействия общества и государства по внедрению культурно-просветительского контента в «текст» современного дискурса социальных коммуникаций.

Полагаем, релевантным в аспекте факторного сопровождения среды культурного просветительства как предпосылки укрепления культурной безопасности может быть рассмотрение современного лингвокультурного пространства, описываемого нами, например, в контексте, с одной стороны, технологического обеспечения «мягкой силы» как фактора укрепления в каналах международных коммуникаций гуманитарного влияния России, а, с другой, содержательного и инструментального наполнения политики культурного просветительства во внутрироссийском пространстве социальных коммуникаций.

С учетом того, что имидж страны в информационном пространстве во многом формируется под воздействием символического капитала национальной культуры (известный французский социолог П. Бурдьё к символическому капиталу культуры относит прежде всего коллективную память, общественные цели, культурные символы и духовную сферу социума), уместно, на наш взгляд, говорить о том, что символический капитал российской культуры основан на вере и признании миллионов людей, которые считают этот капитал ценным для себя и для других, которые верят в ценности, принципы и традиции нашей национальной культуры, идентифицируя себя с ней, и, наконец, над «умами» (сознанием) которых она (культура) имеет реальную власть²².

Как отмечает И.А. Василенко, в «условиях информационной революции одной из ключевых задач для каждого государства является создание конкурентной идентичности, способной сделать образ страны в мировых каналах коммуникаций привлекательным, уникальным, конкурентоспособным и высокоэффективным»²³. При этом сравнительный анализ успешных имиджевых стратегий различных государств современного мира позволяет констатировать, что поиск инноваций в имиджевой сфере

¹⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/2009/05/13/>

²⁰ Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина № 808.

²¹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 101–103.

²² Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 101–103.

²³ Василенко И.А. Новые тенденции мирового опыта ребрендинга государств: уроки для России // Сборник Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2014. С. 131.

идет в русле реинтерпретации уникальных национальных культурных традиций (показательны в этой связи, в частности, примеры Швейцарии, а также Бразилии и Индии, активно прибегающих в рамках имиджевых кампаний к позиционированию и использованию ресурсов, составляющих ядро их культурного наследия).

Полагаем, вопрос поиска и позиционирования конкурентной идентичности (и в этом мы солидарны с И.А. Василенко) – важнейший в системе координат, описывающей природу и инструментарий стратегического имиджевого планирования современной России.

Полагаем, актуальными задачами в рамках поиска адекватных инструментов укрепления культурно-цивилизационной идентичности и разработки результативных механизмов имиджевой стратегии страны на современном этапе развития России – это, во-первых, создание условий для того, чтобы россияне снова научились гордиться тем, что они – носители высокой культуры, потомки Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова... (ведь только через рост самоуважения к себе можно добиться уважения к себе других народов); и, во-вторых, активное применение современных технологий при проведении имиджевых кампаний как важнейшего компонента государственной культурной политики (ср.: С. Караганов «Российское влияние в информационно-идейной сфере по-прежнему невелико. Россия не использует капитал, унаследованный от прошлых веков. Во многом это связано с тем, что она не нашла свою новую идентичность, а барахтается в идеологических клише ушедшего столетия, «пятится вперед»²⁴).

Культурный потенциал России, бесспорно, значителен, и совместная задача государства и общества, в контексте усиления культурной безопасности и укрепления имиджа страны, с одной стороны, создать условия для развития культуры как самоценности внутри страны, а, с другой, – активизировать возможности для трансляции

²⁴ Караганов С. В чем сила, брат?// С.Караганов// Россия в глобальной политике. 27.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/pubcol/V-chem-sila-brat-15757>. (Дата обращения 25.05.2015).

ценностного ядра культуры России в международных каналах коммуникаций.

Исторически российская государственность строилась как государство-цивилизация²⁵; государства-цивилизации полифоничны и гетерогенны: идентичность в них двухуровневая – этнонациональная и цивилизационная; государство-цивилизация легитимизирует культурно-цивилизационную идентичность, выдвигая интегративный идентификатор для всей общности.

На наш взгляд, в качестве одной из конкурентных идентичностей современной России целесообразно рассматривать культурно-цивилизационный интегративный идентификатор, усилия (как со стороны государства, так и общества) по актуализации содержательного наполнения и позиционирования которого способно придать импульсы развитию российского цивилизационного проекта.

Считаем, выдвижение культурно-цивилизационного интегративного идентификатора может стать одной из основ концепции культурного развития России, к необходимости разработки которой призывал академик Д.С. Лихачев, справедливо полагая, что российское государство должно стать гарантом взращивания гуманитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность совершенствования человека и общества, ведь «... без культуры в обществе нет и нравственности, а без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука»²⁶.

В рамках анализа ресурсов «мягкого\гибкого» привлечения и убеждения мы рассматриваем «мягкую силу» как коммуникативную технологию, в «багаж» инструментов которой интегрирована трансляция лингвокультурных концептов, которые, в свою очередь, являются носителями и распространителями ценностей.

²⁵ Багдасарян В.Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов/ В.Э. Багдасарян// Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7, № 1. С.47.

²⁶ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999, С. 640.

Лингвокультурный концепт (как базовая единица лингвокультурологической концептологии, исследовательское поле которой формируется трихотомией «язык-сознание-культура») отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, гештальт и др.), акцентуацией ценностного элемента. Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип²⁷.

Как известно, одним из возможных подходов к изучению лингвокультурных концептов является построение их ассоциативной модели. Лингвокультурный концепт функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами; интенсивность функционирования концепта выражается в сумме двух показателей – номинативной плотности и метафорической диффузности²⁸. Лингвокультурный концепт является двусторонним ассоциативным феноменом: его языковую реализацию нельзя сводить лишь к процессу означивания его собственного референта; параллельно всегда протекает процесс эксплуатации концепта для означивания других сущностей, выражающийся во вторичных (автономных или фразеологических значениях имени концепта²⁹).

В лингвокультурном концепте выделяется интразона (совокупность «входов в концепт» = его номинативная плотность) и экстразона (совокупность выходов = его метафорическая диффузность): полагаем, одним из измерений рассмотрения лингвокультурных концептов в контексте разработки продуктивного инструментария «мягкой силы» может являться описание

условий обогащения интразоны концепта посредством развития его экстразоны (пример – лингвокультурные концепты «Крым» и «историческая (культурная) память»; именно создание условий для обогащения интразоны концепта «Крым» посредством активного функционирования его экстразоны в виде «исторической памяти» в каналах международной коммуникации способно, на наш взгляд, обеспечить продуцирование качественного сдвига во «внешнем» восприятии событий весны 2014 г. и минимизировать его антироссийскую риторику.

Продуктивным и релевантным, на наш взгляд, в контексте лингвокультурной концептологии как особого измерения «мягкой силы» может быть подход, посредством которого возможно разрушение искусственно конструируемых в ангажированном коммуникативном пространстве «квази» интра/экстразон ценностноориентированных лингвокультурных концептов (релевантным здесь, на наш взгляд, являются, например, усилия, направленные на эксплицирование развития концептосферы российских топонимов) – совокупности исходящих и входящих формальных ассоциаций.

Перспективным и результативным в рамках исследовательского поля инструментария укрепления гуманитарного влияния России, может, на наш взгляд, выступить подход, предусматривающий формирование контента smart power (умной силы), трактуемой как баланс твердой и мягкой силы: полагаем, релевантным в этом контексте могут быть коммуникативные технологии, направленные на позиционирование ценностных доминант русской культуры: А. Вежицкая, например, к такому относит, например, концепты «душа» и «судьба»³⁰.

В новых условиях функционирования мирового сообщества в эпоху доминирования власти символов перед Россией стоят чрезвычайно сложные задачи, и разработка эффективной долгосрочной имиджевой политики приобретает стратегическое значение. И, чтобы стать по-настоящему успешной, эта политика должна, как считает

²⁷ Карасик В.И. Культурные доминанты в языке/ В.И. Карасик//Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

²⁸ Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена. 2004. С.52.

²⁹ Там же, С.54–55.

³⁰ Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. Словари, 1997. С.33.

профессор И.А. Василенко, быть многосторонней и многогранной, а технологический инструментарий – максимально широким: от разработки яркой идейной концепции и системного охвата всех каналов коммуникации до активизации усилий публичной дипломатии в рамках системного имиджевого позиционирования³¹; считаем, что действенным институтом публичной дипломатии в рассматриваемом контексте могут и должны стать, например, международные образовательные и культурно-просветительские проекты, реализуемые российскими организациями высшего образования в партнерстве с зарубежными вузами; более того, полагаем, сегодня со стороны Министерства образования и науки РФ и Россотрудничества должны быть предприняты меры, направленные на поддержку инициатив организаций высшего образования России в области распространения русского языка и культуры в международном пространстве: положительных, результативных проектов в этой сфере предостаточно, необходима их систематизация и оптимизация возможностей для расширения и обмена опытом в методическом, технологическом, организационном и др. аспектах.

В отношении «внутрироссийского» измерения возможностей трансляции, в контексте инструментария государственной культурной политики, лингвокультурных концептов как носителей ценностей в рамках культурного просветительства релевантной средой видим современный российский педагогический дискурс.

Применительно к педагогическому курсу разрабатываемый нами конструкт укрепления культурной безопасности конкретизируется описанием его факторных, содержательных и инструментальных (с точки зрения позиционируемой гипотезы результативности аккумуляции защитно-охранительного потенциала культуры в практике государственной культурной политики) свойств в ценностно-целевом из-

мерении. Цель педагогического дискурса³² – социализация члена общества; специфика ценностей педагогического дискурса состоит в том, что он является основой для формирования мировоззрения члена общества, поэтому включает в себя континуум доминирующих в культуре моральных и нравственных установок.

С точки зрения изучения актуального потенциала «культуроустремленных» свойств педагогического дискурса продуктивным представляется активное позиционирование и развитие в рамках моделирования образовательной среды познавательно-развивающей парадигмы в построении образовательного процесса, описание которой предложено профессором Г.И. Герасимовым³³. Личности – участнику подобной образовательной модели – имманентно присущи качество инновационности и способности к инновации как свойства, которые обеспечивают не только адаптацию к быстро меняющейся социальной и профессиональной реальности, но и возможность воздействия на нее. В этой связи выскажем предположение, что активное применение инструментария государственной культурной политики в рамках развития познавательно-развивающей парадигмы современного педагогического дискурса способно обеспечить создание благоприятной среды для того, чтобы в сознании участников образовательного процесса концепты «труд», «ответственность», «творчество» идентифицировались как неотчуждаемые ценности, превращаясь в «деонтические понятия» (по терминологии Ф. Херманнса), функционирующие не только как «индикаторы» общественных исторических процессов, но выступающие «факторами» этих процессов.

Позиционируемый нами в качестве актуального и востребованного в нынешних усло-

³¹ Василенко И.А. Имиджевая стратегия современной России. Портал «Перспективы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=290229> (Дата обращения 25.05.2015 г.).

³² Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса/В.И. Карасик//Этнокультурная специфика речевой деятельности: С. Обзоров/ РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед.. М., 2000.

³³ Герасимов Г.И. Познавательно-развивающая парадигма: инновационное измерение трансформации образования/Г.И. Герасимов // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. № 4, 2013. С. 117–134.

виях развития российского социума «культурноцентричный» содержательный компонент современного педагогического дискурса, предусматривающий необходимость расширения пространства и обогащения инструментов трансляции и познавательно-развивающей образовательной среде ценностного контента российской культуры, в значительной степени коррелирует с целевыми ориентирами внедряемых сегодня в практику деятельности образовательных организаций новых государственных стандартов, что, очевидно, усиливает возможности для повышения результативности использования инструментария государственной культурной политики в сфере культурно-исторического просвещения, обучения и воспитания.

Продуктивным в контексте развития платформы культурного просветительства видится вектор разработки «семейноориентированного» тренда педагогического дискурса: современная ситуация в сфере воспитания требует создания более эффективной системы социально-педагогической поддержки семьи и актуализации в рамках педагогического дискурса традиционного ценностного (концепты «брак», «семья», «материнство», «отцовство») ядра российской культуры. В дальнейшей проработке вопроса о «приложении» инструментария государственной культурной политики в рамках развития актуальных форм оптимизации возможностей социализации ребенка и развития взаимодействия в системе «педагоги – дети – родители» как модели педагогического дискурса (и микромоделей конструирования социальных общностей) видим одну из перспектив нашего исследования.

Признавая, что перечень представленных подходов к рассмотрению возможностей трансляции в пространстве социальных коммуникаций потенциала аккумулированных в лингвокультурных концептах ценностей носит в значительной степени предварительный характер (безусловно ценным и эффективным в этом контексте может быть, в частности, рассмотрение фикционалем, идеологием и др.), считаем, что предлагаемый инструментарий имеет перспективы с точки зрения построения моделей конструирования

языкового сознания и коммуникативного процесса в интересах позиционирования ценностного ядра российской культуры и укрепления культурной безопасности: культурные прототипы позволяют продемонстрировать специфику исторической памяти и ценностных предпочтений лингвокультурных общностей в синхронии и диахронии, способствуя, с одной стороны, укреплению культурной суверенизации общности, с другой, разрушению шаблонности и ангажированности её (общности) восприятия в каналах международных коммуникаций.

С учетом того, что знание и информация – главные характеристики современной эпохи в развитии человечества, отличительной чертой которой является то, что «преуспевают сегодня те, кто формулирует повестку дня, выявляет новые проблемы и предлагает уникальные технологии для их решения»³⁴. На наш взгляд, важнейшей технологией преодоления кризисных (многомерных по своей природе) явлений в России является именно социально-культурная платформа, эксплицируемая, в частности, представляемым нами инструментарием культурного просветительства как компонентом государственной культурной политики, активное использование которого способно обеспечить опору на «незыблемые основания, производные от национально-го уклада, традиций и идеалов народа при решении задачи укрепления устойчивости российского государства»³⁵.

³⁴ Черный В.В. Глобализация демократии: интеллектуальная революция «информационного общества» и «темная материя» глобальных финансов/В.В. Черный, А.В. Цыкало // Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева «Диалог культур в условиях глобализации»// Под общ. Ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Отв. ред. Гезалов А.А., Мамед-заде И.Р. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 389.

³⁵ Акопов П. Шо, опять? //П. Акопов//Культура. № 19, 5–18 июня 2015 г.

Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения

Андрей Юрьевич Голобородько, кандидат филологических наук, доцент Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)

***Аннотация:** В статье представлено описание некоторых компонентов когнитивно-методологического конструкта, позиционируемого в формате инструментария государственной культурной политики как фактора укрепления культурной безопасности в системе национальной безопасности современной России. Конструкт репрезентирует возможности аккумуляции, посредством инструментария государственной культурной политики, мощного защитно-охранительного потенциала культуры России в практике общественного строительства и укрепления жизнеспособности государства.*

***Ключевые слова:** культурная безопасность, государственная культурная политика, национальная безопасность, культурное просветительство.*

Cultural Security: The Notion, Resources and the Instruments of Implimentation

Andreu Yurievich Goloborod'ko, PhD, Associate Professor, Deputy Director for studies and educational work at Anton Chekhov Taganrog Institute (branch of Rostov State University of Economics)

***Abstract:** The paper deals with the description of some components for cognitive-methodological construct considered in the context of state culture policy tools as factor of strengthening of cultural security in the system of national security of the modern Russia. The construct presents the possibilities to accumulate through state cultural policytools a powerful protecting potential of culture in Russia in social formation and strengthening of the state viability.*

***Key words:** cultural security, state cultural policy, national security, cultural enlightenment.*